

Прочитав несколько книжек рекламной тематики, Леша Ложкин решил, что они никуда не годятся. Все эти фокус-группы, на которых тестируют конечный продукт, долгие рассуждения и исследования касательно того, каким должен быть рекламный ролик или плакат, приводят лишь к удорожанию его производства и неэффективному использованию средств. Такие книжки пишут не иначе как чиновники с целью объяснить, отчего ремонт дороги, который можно было сделать за десять миллионов рублей, обошелся бюджету области или города в десять раз дороже. Лешка считал, что слоган должен появляться как озарение, как вспышка молнии, и только в этом случае он будет эффективным. Все гениальные открытия делаются именно так.

Местный рекламный рынок был настолько мал, что Лешка ни одну из своих идей так пока и не пристроил. Ему б другой размах, другие возможности, но никто не станет делать на него ставку, пока он о себе

не заявит. А как же о себе заявить, когда потенциальные рекламодатели старались обойтись собственными силами. В витринах своих магазинов выставляли какие-то фотографии, вырванные из журналов, а в лучшем случае сами рисовали плакаты или баннеры. Получалось это плохо. Они сами об этом знали, но ни в рекламу, ни в оформление магазинов вкладываться не хотели.

Лешка всегда относился плохо к штампам, кривился, когда их по телевизору слышал, но ситуацию, в которой оказался, иначе как «биться как рыба об лед» описать не мог. Учитывая избыток такого рода специалистов в крупных городах, он там вообще работу сможет не найти. Никакую. Даже бумажки распечатывать за нищенскую зарплату ему никто не предложит. От такого положения дел Лешка буквально изнывал, места себе не находил, и ведь самое плохое то, что никаких перспектив не предвиделось.

Учился он в институте на факультете дизайна. Просто в городе не было ни одного учебного заведения, готовившего рекламистов, а куда-то уезжать Лешка был еще не готов. Неизбежное пугало. Окончив институт, он будет мыкаться в поисках работы и вряд ли ее найдет, потому что никому не нужен специалист, который непонятно что умеет и что знает. Но без бумажки об окончании института любой человек — не более чем отходы жизнедеятельности его организма.

Как же сделать так, чтобы местная пресса, которая тоже испытывала трудности в поисках интересных сюжетов и историй, про тебя написала?

Самый простой способ, как известно, — скандал, но здесь тоже надо действовать с умом. Если встать напротив городской администрации с плакатом «Мэр — вор» — это, конечно, скандал, но закончится он тем, что охранники пересчитают тебе ребра дубинками, а в местной прессе об этом ни слова не напишут, потому что вся она кормится из рук мэра и благодетеля своего никто кусать не станет. Напротив, все ополчатся на Лешку. Прослышет он сумасшедшим, как и тот тип, который приколотил свои причиндалы к брусчатке Красной площади.

Идея с причиндалами — хороша. Еще можно вогнуть в ладонь гвоздь, приколотиться к дереву в центре города и кричать при этом о грядущей всемирной катастрофе и что-нибудь про отпущение грехов. Скандальная известность обеспечена, но Лешка и в этом случае окажется юрдивым, с которым никто дела иметь не захочет. Ну что ж, каждый труд, в идеале, должен оплачиваться, но не оставалось ничего другого, как кому-нибудь одну из своих идей попросту подарить.

Лешка уяснил, что рекламный ролик чем-то напоминает китайские банки с маринованными огурцами или морковкой, на которые еще не нанесли маркировку. В зависимости от того, в какой стране этот продукт будет продаваться, на банку клеили этикетки с местным колоритом: «От тети Глаши — с любовью» или «Ганс — рукодельник». При этом китайцев абсолютно не интересовало, какая наклейка появится на банке. Главное, что они продали свои огурцы или морковку. То же самое — и с рекламным роликом. Надо продать идею, а этикетку можно прилепить любую.

Сценарий для ролика, первоначально получивший название «Шоколадная кака», как раз и был той китайской банкой, на которую наклеивалось все что угодно.

Итак.

Путешественник, одетый как Индиана Джонс, пробирается по зарослям, прокладывая себе путь каким-нибудь острым предметом, можно и косой, но лучше все же мачете. Он раздвигает руками ветки и вдруг нос к носу сталкивается с несколькими образинами, лица которых

разрисованы под человеческие черепа. У них длинные волосы, обмазанные чем-то красным и липким, что напоминает кровь, но на самом-то деле это всего лишь глина.

В следующей сцене образины, привязав путешественника к длинной палке за руки и за ноги, волокут его в свою деревню. Там они разжигают костер, ставят сошки, на которые и собираются водрузить путешественника, чтобы тот немножко поджарился и стал повкуснее, но в этот самый момент из кармана его штанов выпадает шоколадный батончик. Образины замечают его. Их привлекает яркая упаковка. Они останавливаются. На непонятном языке что-то говорят путешественнику. Ясно, что они хотят разъяснений. Путешественник показывает кивками, что его надо развязать, а когда его освобождают от пут, берет батончик, разрывает упаковку, откусывает маленький кусочек и протягивает оставшееся одной из образин. Та недоверчиво берет батончик, кусает, пережевывает, и на ее лице появляется блаженное выражение.

На следующем плане путешественник сидит практически в обнимку с образинами рядышком с костром, о чем-то с ними весело переговаривается, по очереди они едят батончик, а на фоне этой картинки появляется рекламный слоган: «Шоколадная кака выручит вас в любых ситуациях».

После некоторого раздумья Лешка решил заменить название продукта на «Чурчхела от Ашота» и отправился к владельцу палатки, торговавшей на местном рынке всякой сладкой всячиной. С одной стороны, было жалко разбрасываться идеями. Этот сценарий мог пригодиться. Проблема была еще в том, что изначально акцент делался на узнаваемость рекламируемого товара, но чурчхела продавалась без всякой упаковки, и кто поймет, что в руках у путешественника именно сладость от Ашота, а не продукция какой-то иной подпольной кондитерской фабрики? Оставался единственный вариант — главную роль в этом ролике отдать владельцу бизнеса. Никакого другого выхода Лешка не видел.

Можно еще заняться благотворительностью, то есть снять ролик абсолютно безвозмездно и прорекламировать известный бренд, а результат выложить на «Ютуб». Вдруг большим дядям понравится Лешкино творчество и они предложат ему работу? Но он прекрасно понимал, что ожидания эти эфемерны. Вероятность, что его заметят, не просто близка к нулю, она как раз нулю и равнялась. Ашот же был реальностью. У него много знакомых в мелком бизнесе, и, глядишь, через него удастся заполучить хоть какой-то заказ. Под джунгли сойдет ближайшая лесопарковая зона. Там и костры разжигать разрешено. Мангалы поставлены для любителей шашлыков.

С такими мыслями Лешка подошел к палатке со сладостями. В ней повсюду вязанками свисала чурчхела. Мясистые волосатые пальцы продавца украшала парочка золотых перстней-печаток, а во рту сверкал золотой зуб.

— Ну что, дорогой, выбрать не можешь? Ай, чурчхела моя хорошая, бери, — заговорил продавец, увидев, что потенциальный клиент оглядывает выставленный на прилавке товар, но отчего-то ничего еще не просит.

Был ли Ашот местным или откуда-то приехал, Лешка не знал. Палатка эта стояла на рынке уже лет десять. Одет Ашот был в спортивный костюм неизвестной марки. Купил он его, видать, в то время, когда весил немного поменьше, и теперь ткань натягивалась на его боках и животе прямо как оболочка на сосиске. На голове была кепка. На подбородке и щеках с утра уже проступила легкая щетина.

Вот если б глаз ему косыночкой завязать, он на пирата больше походил бы, чем на путешественника, подумал Лешка, разглядывая продавца. Ашот ему совсем не нравился, но выбирать-то было не из кого. Нелегкое будет дело тащить его на палке.

— Ты чего молчишь-то? — насторожился Ашот.

Он точно прочитал крамольные Лешкины мысли о связанном пленнике. У него тут явно все было схвачено, а денежку от прибыли он исправно отстегивал нужным людям при власти, чтобы не мучили проверками и не мешали вести бизнес. Конечно, могли завестись новые мздоимцы, пробующие вклиниться в работу отлаженной машины, но Лешка не походил на их представителя.

— Не покупаешь ничего — мимо иди. Не мешай другим.

— Слушай, вот у тебя бизнес идет ни шатко ни валко, давай я тебе рекламный ролик сниму. Клиентов сразу прибавится, — решил Лешка.

— Откуда ты знаешь, как у меня бизнес идет? — рассердился Ашот.

— Вижу. Ну вот ты сейчас ничем не отличаешься от других, а с рекламным роликом ты выйдешь на новый уровень.

— Зачем мне новый уровень? Меня и этот устраивает. А тебе чего надо-то? Проваливай лучше. Сказал же, не мешай торговать.

— Нет же никого, — сказал Лешка, жестом показывая, что никто больше у палатки не стоит.

— Нет никого, потому что ты мешаешься, — зло сказал Ашот.

— Ты на меня не серчай, — сказал Лешка.

Ему не нравилось, что разговор пошел совершенно не в том направлении, в каком нужно. Требовалось срочно Ашота успокоить, а то он мог вызвать рыночную охрану, наговорить про Лешку черт знает что, и хо-

рошо, если ему просто предложат побыстрее убираться, а то ведь могут и поколотить.

— Вот лучше послушай, что я тебе предлагаю.

Он заговорил быстро, чтобы его не прервали, не остановили и не пришлось вновь перекрикиваться с Ашотом. К палатке так никто и не подошел. Контакт вроде налачился. В глазах продавца разгорались признаки заинтересованности. Старый, давно не отвечающий потребностям времени процессор в голове Ашота анализировал информацию. Наконец он выдал фразу о том, что платить ни за что не будет. Лешка сказал, что и не надо. Этот ответ Ашота насторожил, он внимательно осмотрел Лешку, подозревая в затее какой-то подвох, и спросил:

— А тебе это зачем?

— У тебя знакомых на рынке много. Вот вдруг кто-нибудь из них тоже захочет рекламный ролик. Ты их ко мне направишь. Тебе я за просто так ролик сниму, а с них уже деньги за работу потребую.

— А вот с какой стати я их к тебе направлять буду? Зачем мне конкуренты?

— Ну, они ж не чурчхелой торгуют, а чем-то другим. Какие они тебе конкуренты?

— Пожалуй, ты прав, — согласился с этим доводом Ашот.

Ему, похоже, стало жутко интересно сняться в ролике. Это ж не какие-то любительские посиделки получатся, где все пьют, горланят песни и танцуют кто во что горазд, а съемка, которой не стыдно и похвастаться. Особенно перед девушками.

Ашот решил, что про Лешку никому рассказывать не станет, а если кто и спросит, кто ему рекламный ролик сделал, только усмехнется и пояснит, что чурчхела его такая знаменитая, что сам Тарантино приезжал ее попробовать, ну а взамен все и снял.

— Ты хоть чурчхелой-то нас снабдишь на время съемок? — спросил Лешка. — А то жрать захотим, и процесс застопорится.

— Хитрый какой, — сказал Ашот, погрозив Лешке пальцем. — Сколько вас там будет? Что ж, я всех должен буду кормить? Так и прогорю.

— Не прогоришь. Четверо нас всего будет. Ты, я и еще двое моих однокурсников. Они злых туземцев избразят. Не разорим.

— А почему я знаю? — не унимался Ашот. — Вдруг вы кушаете много?

Он вдруг замолчал и подозрительно посмотрел на Лешку. Устаревший процессор в голове Ашота выдал гипотезу происходящего. Ему предлагают вместе с тремя непонятными типами отправиться за город. Что им помешает там его укокошить и поглубже закопать, чтоб никто не нашел? Вдруг у него конкуренты появились,

которые захотели поляну расчистить и из бизнеса его устранить? Или похитят и выкуп потребуют с родственников, а если они не захотят платить, будут им его по частям присылать: сперва фаланги пальцев, а когда они на руках и ногах закончатся, пришлют еще что-нибудь. Ашот насмотрелся всяких криминальных сериалов, обильно шедших по разным каналам, кое о чем слышал от своих знакомых, ну и сам участвовал в некоторых незаконных делах, иначе ведь палатку на центральном рынке не получишь.

— Ладно, только я с собой брата еще возьму и друга его. Помогут, если что.

— Хорошо. А вот чего мне тогда париться и кого-то искать, кто злых туземцев сыграет? Пусть твой брат и его друг их и сыграют. На чурчхеле тогда сэкономишь.

— Да не жалко мне чурчхелы для хорошего дела, — вскипел Ашот. — Еще курицу замаринованную привезу. Не оголодаете. Брат и его друг сниматься не захотят. Своих кого-нибудь найди.

— Хорошо, — кивнул Лешка.

Они договорились снимать ролик в ближайшее воскресенье. Сыграть роли туземцев согласились два Лешкиных однокурсника, после того как он обещал им кормежку. Не удавалось только найти шляпу для главного героя. Узнав об этом, Ашот захотел сниматься в своей кепке.

— Ты еще в своем спортивном костюме снимись, — в сердцах бросил Лешка.

— А что в нем плохого? — По голосу чувствовалось, что Ашот опять начинает злиться. Он прям с пол-оборота заводился.

— Да ничего. Отличный, — успокаивал его Лешка. — Только в таких по джунглям не ходят.

— А ты откуда знаешь? Бывал там?

— Ага, только в каменных.

— В каких? — не понял Ашот.

И тут Лешку точно осенило.

«Какие, к чертям, джунгли и Индиана Джонс? Разве это актуально? Кого этим заинтересуешь? Другой надо ролик делать».

— Слушай, Ашот, а ну его к черту, эти заросли и туземцев, — сказал Лешка, — я кое-что другое придумал. Вот слушай.

Они сняли все за один день на Лешкину мильницу, которая дрожала в руке, но потом, при монтаже, эта дрожь придавала ролику некий колорит и правдоподобность происходящего. Ашот играл сам себя, то есть никакого не путешественника, а продавца с рынка в спортивном костюме и кепке. Связывали его не туземцы, а подозрительной внешности личности (Лешкины однокурсники), подкараулив в подъезде, тащили не к костру по зарослям, а по обшарпанной лестнице

в квартиру Ашота (мало ведь кто узнает по обстановке, что это его квартира, а для съемок она очень подходила). Пока шли съемки в подъезде, брат Ашота и его друг расправлялись на кухне с замаринованной курицей.

У Ашота с головы постоянно слетала кепка. Пришлось сделать для нее завязку.

Главная заминка, едва не положившая конец всей затее, случилась, когда приехал наряд полиции. Его вызвал кто-то из соседей, сообщив, что в подъезде творится неладное — по лестнице тащат связанного человека с кляпом во рту. Не иначе, задумывается что-то противозаконное.

— К стене, руки вверх! — закричали полицейские, прерывая съемочный процесс, для острастки нацелив на всех дула пистолетов. — Человека похитили, твари?

— Мы не похищали никого! Мы студенты. Дипломную работу снимаем! — заныл Лешка. — Могу свой студенческий билет показать.

— Заткнись, тварь, — прикрикнул на него один из полицейских. — К стене!

Лешка встал лицом к стенке, рядом пристроились два его однокурсника. Они так спешили исполнить приказание полицейских, что очень неаккуратно опустили на кафельный пол связанного Ашота. Тот шмякнулся, как мешок с требухой, крикнул, охнул и замычал.

— Налицо преступные деяния группы лиц, — рассуждали полицейские. — Тянет на очень приличный срок. К пенсии освободитесь.

— Да вы вот у него спросите. Он подтвердит, что мы его не похищали. — Лешка попробовал обернуться и кивнуть на валяющегося на полу Ашота.

Но полицейские на него вновь закричали, чтоб он не рыпался и глаз от стены не отводил, если не хочет по ней расплескать свои мозги.

— Ха, знакомое лицо, — засмеялся кто-то из полицейских. — Эй, похитители, выкуп-то чем брать хотели? Чурчхелой?

— Не похищали мы его, — вновь повторил Лешка.

— Мм, — замычал Ашот.

— Вот только скажи мне, что тебя не похищали, — сказал полицейский, видимо, выгавив у Ашот кляп. — Не поверю, что ты в большое искусство подался.

— Ага, — сказал Ашот.

— Чего «ага»? Похищали?

— Не, подался в это... в искусство.

— Да твою ж мать, ты нам все равно должен, — вскипел полицейский. — Вот похитили бы тебя — у нас улучшилась бы статистика раскрываемости, потому что мы его по горячим следам раскрыли. А так, что нам, дела больше нет, как по ложным вызовам разъезжать? В общем, понял? Заедем к тебе.

— Да я-то тут при чем? — начал было Ашот. — Я ж вас не вызывал. Не просил приехать.

— Ты вот лучше заткнись, а то похитят тебя по-настоящему — не приедем. Знаешь сказочку про пастуха, который кричал все: «Волки, волки», обманывал всех, ну а когда волки действительно пришли, никто его выручать не прибежал?

— Не знаю, — сказал Ашот.

— Почитай. Просветись. Ладно. По большому счету, вас в отделение надо доставить за нарушение общественного порядка, но возиться с вами не хочется. В общем, Ашот, ты понял, ты нам должен. Заедем к тебе на рынок.

Полицейские сообщили на базу, что вызов ложный, и уехали.

После их визита Ашот совсем расстроился. Его мучили мысли о том, что придется подмазывать полицейских. Хорошо еще, что он не додумался взвалить часть затрат на Лешку и его однокурсников. Денег у них не было, но он мог взять их в рабство в свою палатку и заставить торговать чурчхелой на безвозмездной основе, пока они не отработают долг.

Лешке стоило немалых трудов уговорить Ашота продолжить съемки. Он наотрез отказался, чтобы в ассортименте похитителей фигурировал паяльник, хорошо зная, как он применяется в таких делах. Явно не для шрамирования. Пришлось пугать его в ролике одним утюгом. Но когда по сценарию похитители решили приступить к пыткам, у Ашота из кармана выпала чурчхела, а дальше сюжет развивался по первоначальному плану, только в других, приближенных к реалиям, декорациях.

На финальную сцену, там, где Ашот сидит в обнимку со своими похитителями на кухне, смотрит на зажженные газовые рожки и ест сладости, Лешка наложил титр: «Чурчхела от Ашота выручит вас в любых ситуациях», а под ним шрифтом поменьше написал город и место, где располагается палатка. В самом конце ролика совсем уж крохотными буквами он скромно приписал свою фамилию как автора этого творения.

— А город-то зачем? — спросил Ашот.

— Мы ж на «Ютуб» все это выложим, — пояснил Лешка. — У нас все знают (тут он немного преувеличил известность Ашота среди любителей сладостей), где твоя палатка. Но «Ютуб» народ со всей страны смотрит, даже со всего мира. Никто, может, никогда и не слышал про наш город, а про твою палатку — тем более.

— А-а, понял, — протянул Ашот.

Лешка выложил этот ролик в Сеть, снабдив название всяческими словами, наподобие «ржака», чтобы он выскакивал на выборке каждый раз, когда кто-то захочет посмотреть что-то веселенькое. Но он горько разочаровался, думая, что на следующий день проснется знаменитым и на него посыплются заказы. Просмотров было десяток-другой. Лешка подозревал, что это из-за Ашота, показывавшего ролик всем своим друзьям и многочисленным родственникам.

Видео получилось скандальное. Но как сделать, чтобы его просмотрело как можно больше людей, Лешка не знал. Он разместил ссылки на своих страницах в социальных сетях, попросил всех, кто значится у него в друзьях, сделать перепосты, но на призыв этот почти никто не откликнулся, количество просмотров едва увеличилось, комментариев под видео не появилось.

— Ну и ладно, — сказал сам себе Лешка, сидя на кухне с чашкой кофе. — Все равно я не считаю, что первый блин комом вышел. Чурчхелу за просто так поел. Может, кто из знакомых Ашота все-таки проявится.

Надежды эти не сбылись. Клиентов на свои проекты он не нашел. Более того, через неделю позвонил Ашот и попросил ролик из Сети убрать.

— Почему? — начал выспрашивать Лешка.

Его интересовало, что к чему и неужели ролик клиентов не привлекает, а, наоборот, отпугивает.

Ашот был не в настроении что-то объяснять. Просто еще раз сказал, что ролик надо убрать и побыстрее, и прервал вызов. Лешка ему не перезвонил и ролик стер.

Впоследствии выяснилось, что знакомые и родственники Ашота после этой рекламы подняли его на смех и еще долго не могли ему забыть, как два тщедушных парня волокут его куда-то по лестнице, а он в ответ только мычит и ничего с ними поделать не может.

— Да какой ты мужик? Тебя и девка свяжет и поимеет, — смеялись над ним.

Помимо этого, Лешкины однокурсники, снимавшиеся в ролике, повздорили с кем-то из знакомых Ашота, которые их узнали. Дело было посреди дня. Выяснения, чего это они Ашота связали и куда несли, объяснения, что все это было не по-настоящему, и последующая после этого драка много времени не заняли. Серьезных последствий, за исключением разбитых носов, синяков и ушибов, тоже не последовало, но все ж инцидент получился неприятный.

— Ты б это ролик-то удалил, — позвонил Лешке однокурсник, — а то на улицу выходить стремно стало.

— Я твои мысли прочитал, — успокоил его Лешка. — Удалил уже.

